

Н. В. Жигинас

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ МОНИТОРИНГА И СКРИНИНГА СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Томский государственный педагогический университет

Целью эмпирического этапа нашего исследования было выявление различных социально-психологических факторов, обуславливающих состояние идентичности студентов, влияющих на структуру и протекание кризиса. По данным исследования была проведена предварительная исследовательская работа по операционализации категории идентичности, которая, согласно психологическим исследованиям, имеет структурное строение и состоит из смыслов, ценностей, порождаемых самосознанием и закрепляемых памятью, их деформация и составляет содержание экзистенциального кризиса. Кроме того, определяя структуру идентичности, исследователи раскрывают ее некоторое содержание. Структурные единицы, содержательные элементы идентичности, по Э. Эриксону (1986), – это конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли, которые объединяются в стержневую психическую конфигурацию личности [1]. Данные элементы определяют систему ценностей, целей, социальную роль индивида, а также степень его включенности в социокультурное функционирование, особенности коммуникации. Содержательными единицами (элементами) идентичности, согласно статусной модели развития идентичности по Дж. Марсиа, являются личностно значимые цели, ценности, убеждения и смыслы, без обращения к которым невозможно осуществление личностного выбора в ходе самоопределения [2].

В связи с исследовательской моделью была определена организационная модель исследования, результаты которого позволили достичь цели и подтвердить гипотезу исследования. Был проведен мини-мониторинг – групповое обследование студенческих групп методикой ММРІ и анкетой отношения к своему психическому здоровью. Мониторинг представлений студентов о своем психическом здоровье показал, что они связаны с пониманием того, что отсутствует адресная помощь в плане его профилактики: 10 % респондентов предлагают создание телефона доверия, 16,9 % в качестве меры профилактики указывают на необходимость уделять больше внимания организации досуга студентов. Студенты на первое место ставят такую причину, как неумение студентов занять и организовать себя (39 % из опрошенных), примерно одинаковое количество

респондентов отмечают также отсутствие возможности самореализации в учебной деятельности (25,4 %), отсутствие жизненной перспективы (22,3 %). Затем уже следуют такие причины, как проблемы взаимоотношений со сверстниками (11,4 %), жизненная неустроенность (10,2 %), и на последнем месте стоит проблема взаимоотношений в родительской семье (8,7 %).

Важнейшая профессиональная задача психолога – оценка остроты и масштабности критической ситуации для студента. Чисто объективные критерии, по мнению Ф. Е. Василюка, в подобных ситуациях мало пригодны, но и просто довериться субъективной оценке иногда невозможно. Свести проблему измерения страдания к феноменологической аксиоме, самоидентичности переживания – значит просто от этой проблемы отмахнуться. Психологу приходится ориентироваться и действовать в ситуации со многими неизвестными. Возникают вопросы: какова была «объективная сила» психотравмирующих обстоятельств? Какова субъективная «система отсчета», т.е. пороги и критерии эмоциональной чувствительности клиента? Каково отношение между планом содержания переживаний и планом выражения? Не до конца ясны психологу и собственные индивидуальные критерии оценки тяжести критической ситуации, на которые влияют личные переживания [3].

Словом, ориентация в степени тяжести состояния – дело непростое и в то же время необходимое. От этого зависят масштабы и глубина планируемой психологической помощи, выбор тональности, стиля и методов работы. Такая ориентация важна для определения тактики оказания психологической помощи студентам, прежде всего группы «риска», «когда речь идет о личностном смысле и человеческой судьбе, которые нужно понять в их уникальности».

Усредненный профиль ММРІ (табл. 2, гл. II) был в целом ниже и отличался от изначального профиля достоверно более низкими показателями по 2-й и 1-й шкалам ($p < 0,05$), что свидетельствует о более низком уровне невротизации и тревоги у этих студентов. Усредненный профиль ММРІ студентов был в целом несколько выше, хотя достоверных различий между подгруппами не выявлено. При анализе таблиц сопряженности обнаружилось, что «кризисные» студенты имели повышенные показатели (70 Т-баллов и более) по 3-й шкале ММРІ ($p = 2,64$, $p = 0,1$), что в сочетании с повышением по шкалам 1, 2 и 7-й

свидетельствует о повышенном уровне тревожности у этих студентов. Значимыми для прогнозирования студентов оказались показатели по шкалам 8-й ($p=0,09$), 9-й ($p=0,16$) и К ($p=0,15$). При изучении прогностического значения показателей психологического обследования студентов выявлено, что по данным теста ММРІ значимыми оказались показатели по шкалам L ($p<0,01$), К ($p<0,08$) и 4-й ($p<0,07$).

По данным теста «16PF», в подгруппе студентов экспериментальной группы выявлены более низкие показатели по шкалам В, G, М, Q3 и Q4, что свидетельствует о сниженном самоконтроле и достаточно благополучном психологическом статусе. При анализе данных по тесту «16PF» значимым для прогнозирования студентов оказалось повышение по шкале С ($p<0,1$) и снижение по шкалам В ($p<0,1$), N ($p<0,02$) и Q3 ($p<0,07$). Сравнительный анализ изначальных показателей психологического статуса студентов по данным тестов ММРІ и «16 PF» не выявил достоверных различий между подгруппами.

Данные, полученные с помощью теста Люшера, согласуются с результатами других методов исследования. Студенты с «кризисными» состояниями достоверно реже ставили на первые позиции зеленый (20 и 58,3 %, $p = 4,16$ при $p=0,04$) и желтый цвет (2 и 46,7 %, $p = 7,90$ при $p=0,005$), и чаще – серый (78 и 37,6 % соответственно, $p = 5,10$ при $p=0,02$), кроме того, на первые позиции черный цвет ставили 31% студентов, $p = 7,90$ (при $p=0,005$). Согласно этим данным, студенты этой подгруппы отличались более высоким уровнем тревожности, нарушением социально-психологической адаптации, тенденцией к конфликтности и импульсивности.

Были исследованы реакции фрустрации у представляемых групп, где обнаружилось расхождение по некоторым переменным методик. Коэффициент групповой адаптации и реакции на фрустрацию исследуемых студентов по Розенцвейгу:

Группы	GCR	Преимущественные реакции на фрустрацию
Кризисная	49,2	Ode, Odi, ODm, EDe, NPe, NPi,
Безкризисная	78,7	Ode, ODm, EDe, Edi, NPe, NPi, NPm

Таблица показывает, что коэффициент групповой адаптации (GCR) находится у контрольной группы в пределах хорошей нормы, в то время как у группы риска он значительно снижен. Кроме того, общее количество типов и направлений реакций на фрустрацию значительно больше в контрольной группе, что указывает на возможность этих подростков быть гибкими и адаптивными в социальных контактах. Кроме того, в основной группе выявлен «эгозащитный тип реакции» (!ED>!NP>OD!) с экстрапунитивным направлением (E>I>M), а общий паттерн (E>i>M) указывает на низкий уровень групповой

конформности. Следовательно, можно предположить, что испытуемые в ситуации фрустрации или более сензитивны, или склонны проявлять агрессию к окружающим.

Анализ данных описательной статистики по тесту СЖО показал, что по первому параметру данного теста «общий показатель осмысленности жизни» для респондентов данной выборки в целом характерен высокий уровень осмысленности жизни: они осознают свою личную ценность и ценность предоставляемых им жизнью возможностей. Для респондентов, данные которых нашли свое отражение в минимальных значениях, свойственно недооценивание собственного вклада в жизненные процессы. Для них характерно неумелое использование тех ресурсов, которые им предоставлены.

Показатель «Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)» теста СЖО на статистически значимом $p<0,01$ уровне показывает достоверное различие студентов в общем представлении о них как обладающих достаточной свободой выбора, способных построить свою будущую профессиональную жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, и в представлении о студентах как не верящих в свои силы и не способных контролировать события собственной жизни.

Показатель 5 «локус контроля – жизни или управляемость жизни» теста СЖО также на статистически значимом уровне $p<0,05$ дифференцирует студентов. По параметру «цель» для респондентов данной выборки является довольно характерной высокая ориентация на цель деятельности, которую они выполняют в настоящий момент. Исходя из данных верхних и нижних границ распределения этого параметра, испытуемые зачастую могут недооценивать своего влияния на ход событий, однако, опираясь на данные двух следующих параметров, можно шире раскрыть их значимость.

Данные по следующему параметру «процесс» выявляют следующую тенденцию в предлагаемой выборке: для её респондентов более характерной является ориентация на процесс деятельности, затем на цель и только потом по убыванию важности для них стоит результат, который они получают в результате. То есть респонденты больше внимания будут уделять именно проработке собственно целей деятельности, чем оценивать результат этой деятельности. Максимальное внимание они уделят процессу и не будут фиксироваться на том, к чему их действия приведут. То есть респонденты могут не проследивать связь между процессом и результатом, из-за чего их действия могут привести к неожиданным показателям. Параметры «локус контроля – Я» и «локус контроля – жизнь» отражают среднюю тенденцию данной выборки. На основании этих показателей мы можем утверждать, что для респондентов данной выборки больше свойственна ориентация на процесс

жизнедеятельности, чем на собственную персону. Для них более актуальны окружающие, нежели они сами и их проблемы.

Таким образом, феноменология психологических новообразований ранней юности, идентичности как проявления целостности личности касается такого

фундаментального аспекта, как личностно-смысловое самоопределение относительно своих будущих перспектив. А это, так или иначе, связано с помещением, «проигрыванием» своего будущего в социальном пространстве, которое задается соответствующими позициями [4].

Литература

1. Жигинас Н. В. Типология и психопатология экзистенциального кризиса у студентов в процессе обучения // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2008. № 2. С. 94–97.
2. Marcia J. E. Identity in Adolescence // Handbook of adolescent psychology. N.Y., 1980. P. 213–231.
3. Жигинас Н. В. Организация, направления и методы исследования психического здоровья студентов. Принципы и методы психологической помощи студентам, переживающим кризис // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Психология». 2007. Вып. 10(73). С. 52–55.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

Поступила в редакцию 26.11.2008